

14. Самойлов Д. Стихотворения. М. : Сов. писатель, 1985.

15. Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Худож. лит., 1991. Т. 1.

16. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. М. : Изд. гр. «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–368.

Types and models of space in the Russian poetry of the second half of the XX – beginning of XXI century

There is considered the issue of research of the space category based on the Russian poetry of the second half of the XX – beginning of XXI century. There is characterized the work of the scientific laboratory “East – West: space of Russian literature and folklore” at the literature department of Volgograd State Social and Pedagogical University.

Key words: *space, topos, models of space, anthropological space.*

Л.Н. САВИНА
(Волгоград)

**РЕАЛИЗАЦИЯ
ВНУТРИПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ:
СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА
И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ**

Проблема установления внутрипредметных связей в процессе школьного литературного образования рассматривается на примере сравнительного анализа рассказа В.П. Астафьева «Трофейная пушка» и военной прозы Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: *внутрипредметные связи, литературное образование, сравнительный анализ, проза о войне.*

Одной из актуальных задач изучения литературы в старших классах становится установление внутрипредметных связей курса, предполагающее формирование у школьни-

ков культуры литературных ассоциаций, а также умения обобщать и сопоставлять различные явления и факты. Навык контекстуального анализа необходим старшеклассникам и для выполнения заданий части С2 и С4 ЕГЭ по литературе, ориентирующих выпускников на определение «горизонтальных» и «вертикальных» связей при рассмотрении историко-литературного процесса. «При необходимой дифференциации материала <...> обращение к различным видам литературных связей выводит учащихся на качественно новый уровень его постижения. Прежде всего это касается проблемы художественных универсалий (архетипов, мифологем, топосов, “вечных” мотивов и других “первоэлементов” художественного сознания), имеющей важное методологическое значение и открывающей для читателя-школьника область широких историко-культурных обобщений. Для целостного постижения историко-литературной канвы курса важны различные виды межтекстовых художественных взаимодействий (заимствования, подражания, пародирование и т.п.), отражающие принцип преемственности литературных явлений. <...> Введение в читательский обиход старшеклассников таких понятий, как “реминисценция”, “интертекст”, “литературная ассоциация” <...> во многом соответствует особенностям современной литературной ситуации, характеризующейся “реминисцентной насыщенностью” художественных текстов, готовностью писателей вступать в свободный диалог с литературной классикой» [4, с. 4–5]. Контекстуальный анализ повестей и рассказов, написанных в последние десять – пятнадцать лет, не только позволит познакомить учащихся с новыми художественными текстами, но и поможет им установить живые связи между произведениями современных авторов и отечественной классикой. Анализируя методический опыт прошлых лет, Е.В. Землянко отмечает, что осмысление подобных параллелей «актуализирует читательский опыт ученика. Эти связи могут быть реализованы на самых различных уровнях текста: на уровне сюжета и жанра (“Чайка” Б. Акунина и А.П. Чехова), названия (“Пиковая дама” Л. Улицкой и А.С. Пушкина), сюжета и темы (“Последний рассказ о войне” О. Ермакова и “Война и мир” Л.Н. Толстого), героя и его внутреннего мира (“Ника” В. Пелевина и “Легкое дыхание” И. Бунина)» [3, с. 28].

Традиции русской классики при рассмотрении военной темы без труда можно обнаружить в ряде произведений В. Кондратьева, Ю. Бондарева, В. Маканина, в частности в рассказе В.П. Астафьева «Трофейная пушка» (2001 г.), анализ которого мы предлагаем учащимся 11-го класса в рамках изучения современной литературы. На наш взгляд, обнажить трагический смысл этого небольшого «эскиза о военных буднях» невозможно без установления связи с творчеством Л.Н. Толстого как на уровне темы, так и психологической мотивации поступков героев. Подобно автору «Севастопольских рассказов», В.П. Астафьев, ушедший на фронт в 1942 г., знал о войне не понаслышке. Словно вторя своему великому предшественнику, считавшему войну «событием, противным человеческому разуму и всей человеческой природе», В.П. Астафьев утверждал, что война «все равно осталась противоестественным состоянием каждого человека, не потерявшего людской облик». Известно, что современники Л.Н. Толстого неоднозначно приняли «Войну и мир». Так, ветеран кампании 1812 г. А.С. Норов с негодованием отмечал, что «не мог без оскорбленного патриотического чувства дочитать этот роман, имеющий претензию быть историческим». Не менее решительно выступал против толстовского изображения войны и другой участник Бородинского сражения – П.А. Вяземский, увидевший в произведении Толстого «протест против 1812 года» и «нарушение истины». Похожие упреки заслужил и В.П. Астафьев, чья «солдатская» проза создавалась в яростной полемике с официозной литературой, воспевавшей величие и мудрость руководства победоносной Советской армии, но игнорирующей трагизм войны, в которой страна потеряла более двадцати миллионов своих граждан. «Размышления о подлинном героизме и дегероизации, изображение войны с самой неприглядной стороны, разоблачение ложного пафоса, развенчание стереотипных образов, показ войны как предательства человечности» [5, с. 143] – вот что сближает роман-эпопею Толстого и маленький рассказ Астафьева.

В ходе урока мы предлагаем учащимся подумать над следующими вопросами: как изображают военные будни Л.Н. Толстой и В.П. Астафьев? Какое отражение находит тип «бывалого воина» в «Войне и мире» и можем ли мы отнести к данному типу майора Проскурякова, героя рассказа Астафьева? Что общего между младшим лейтенантом Растягаевым,

решившим обстрелять из пушки отступающих фашистов, и героями Толстого, кого из них он вам напоминает? В чем, по мнению Л. Толстого и В. Астафьева, заключается истинный героизм?

Нетрудно заметить, что оба писателя предпочитают изображать картины военных будней без излишней романтизации, подчас намеренно снижая «нравственный градус» размышлений солдат и офицеров и таким образом «заземляя» их мысли и чувства. Война предстает перед читателем не в красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, «с развевающимися знаменами и гарцующими генералами» (Л. Толстой), а в настоящем ее выражении – в крови, страданиях и смерти. Как и у Толстого, в рассказе Астафьева прежде всего именно рядовые бойцы принимают на себя всю непомерную тяжесть сражения: у них «обувь разбита, гимнастерки полопались на спинах и защиты, у кого через край, у кого онучи вместо заплат пришиты» [1, с. 22]. Именно они, эти частные Ваньки, Васьки, Петьки – «обыкновенные солдаты, копавшие землю, жарившие в бочках вшей, матерившие Гитлера и старшин, норотившие посыпней пожрать и побольше поспать» (Там же, с. 23) и являются подлинными героями. «А они таковыми себя не считали, и никто их при жизни таковыми не считал» (Там же). Близостью этой массе определяется значение каждого из офицеров.

Антитеза естественного и неестественного поведения на войне присуща как произведениям Толстого, так и рассказу Астафьева. Изображая на первом плане людей дела, а не трескучей фразы, оба писателя пытаются верно расставить акценты. Как и герои «Войны и мира» (капитан Тушин, Тимохин, Багратион, Кутузов), майор Проскуряков принадлежит к типу «бывалого воина», тому самому типу, о котором столь точно сказал М.Ю. Лермонтов в своем «Бородино» – «слуга царю, отец солдатам». Обратим внимание учащихся на то, что этот офицер, воюющий с «Хасанской сопки», столь же опытен, как и Тимохин, которого Кутузов знает еще по турецкой войне и именуется «измаильским товарищем». Астафьев, подробно не излагая военную биографию, определяет суть характера майора одним словом – «работяга». Действительно, Проскуряков не принадлежит к числу отчаянных, вспыльчивых командиров, готовых вести бой «прямой наводкой». За ним – опыт войны и прежде всего – желание сохранить жизнь своим подчиненным, насколько это, конечно, возможно

во время боевых действий. «И почести, и звания, и взыскания он привык получать заслуженно», он не из тех, кому «задарма», за красивые патриотические слова и умение выслужаться дают награды. И в этом Проскуряков похож на капитана Тушина, естественно, без высокопарных слов, творившего свое великое дело и не помышлявшего о почестях, в отличие от «военных трутней» типа Берга, который во время похода «успел своей исполнительностью и аккуратностью заслужить доверие начальства и устроил весьма выгодно свои экономические дела» [6, т. IV, с. 300].

Несомненное сходство можно обнаружить между героем В.П. Астафьева и капитаном Хлоповым из рассказа Л.Н. Толстого «Набег», понимавшим храбрость в духе древнегреческого философа Платона как знание того, чего нужно и чего не нужно бояться. В отличие от юного прапорщика Аланина, впервые отправившегося в поход и с энтузиазмом ожидающего начала схватки, Хлопов воспринимает предстоящий бой с позиции опытного воина, с горькой иронией замечая: «Чему радоваться, ничего не видя! Вот как походишь часто, так не порадуешься. Нас вот, положим, теперь двадцать человек офицеров идёт: кому-нибудь да убитым или раненым быть – уж это верно. Нынче мне, завтра ему, а послезавтра третьему: так чему же радоваться?» (Там же, т. II, с. 13).

Умение воевать, подлинный героизм, по мнению Толстого и Астафьева, определяются отсутствием у человека тщеславия, меркантильных личных интересов, его способностью отдаться тому «роевому чувству», которое живет в душе каждого солдата. И если это чувство подсказывает, что ради сохранения жизни рядовых бойцов не следует вступать в схватку с противником, настоящий полководец, отец-командир должен уклониться от боя и пожертвовать лаврами победы делу высшей справедливости. Именно поэтому Кутузов не спешит преследовать убегающих французов, всеми силами сдерживая своих ретивых помощников, жаждущих крохотного «победоносного сражения». Полной противоположностью истинным патриотам являются «маленькие наполеоны», желающие личной славы и готовые ради нее жертвовать чужими жизнями. Достаточно вспомнить Богданыча, командира павлоградских гусар, отправившего под картечь, чтобы поджечь мост, весь эскадрон. На вопрос одного из свитских офицеров, наблюдавших за ходом операции, почему не послали на задание «двух молодцов», Жерков, хорошо раз-

бирающийся в тонкостях подобного рода дел, замечает: «Двух человек послать, а нам-то кто же Владимира с бантом даст? А так-то, хоть и поколотят, да можно эскадрон представить и самому бантик получить. Наш Богданыч порядки знает» (Там же, т. IV, с. 186). Страшным приговором гордыне и себялюбию звучит рапорт Богданыча о потерях: «Пустячок! Два гусара ранено, и один *наповал*, сказал он с видимою радостью, не в силах удержаться от счастливой улыбки, звучно отрубая красивое слово *наповал*» (Там же, с. 188). Конечно, в отличие от Богданыча, трезво, рационально смотрящего на вещи и искренне радующегося, что отделался «пустячком» (а убитых могло бы быть во много раз больше!), младший лейтенант Сергей Растягаев не думает о возможных потерях и поступает, повинувшись не голосу разума, а непосредственному чувству.

Нетрудно заметить, что и в прозе Толстого, и в рассказе Астафьева именно художественная рефлексия определяет «систему эстетических и нравственных ценностей и иерархию мотивировок поведения героев» [2, с. 24]. Автор «Трофейной пушки» не случайно акцентирует внимание на молодости лейтенанта: ему не более девятнадцати лет. Этот юноша принадлежит к поколению, живущему в ожидании личного подвига, поэтому «спит и видит себя на войне». Желая как можно скорее отправиться на фронт, он осаждает военкомат, «перемогает хворь», обливается холодной водой, занимается спортом, таким образом изживая в себе комплекс «интеллигентской неполноценности». Недаром с иронией Растягаев перефразирует Грибоедова: «Что за комиссия, создатель, родиться в семье интеллигентов. Все-то они знают, и в тебе, и за тебя. И ах, ах, ты худ, ты бледен, ты переутомился, ты недодаешь... Надоело!» [1, с. 24]. Желание подвига, сожаление, что он не может написать любимой «ничего такого выдающегося из своих дел на войне», напоминает нам и о юном Пете Ростове, стремящемся попасть в самую гущу боя, и о князе Андрее, мечтающем о славе Наполеона и отправляющемся на войну, потому что та жизнь, которую он ведет в светском обществе, смертельно ему надоела. В ходе урока можно, обратившись к рассказу Л.Н. Толстого «Набег», провести параллель «Растягаев – Аланин». Юный прапорщик, как и герой Астафьева, с нетерпением рвется в бой. «Глаза его блестели отвагой, рот слегка улыбался; он беспрестанно подъезжал к капитану и просил его позволения броситься *на ура*.

– Мы их отобьем, – убедительно говорил он, – право, отобьем.

– Не нужно, – кратко говорил капитан, – надо отступить» [6, т. II, с. 29].

Не послушавшись командира, Аланин все же поднимает солдат в бессмысленную атаку, закончившуюся полным разгромом небольшого отряда и смертью хорошенского прапорщика. Подлинную оценку этому «рыцарству» мы слышим из уст старого солдата: «Известно, жалко... Ничего не боится: как же эдак можно! ...Глуп еще – вот и поплатился» (Там же, с. 31).

Как и герой Толстого, Растягаев воспринимает прежде всего внешнюю атрибутику боя. Попав на фронт, младший лейтенант «шарит биноклем по окрестностям» и досадует на отсутствие врага. Он еще не ведает, что казенное знание на войне непригодно, что ему, «как и многим его сверстникам, предстояло набраться ума, приобретать опыт в боевой обстановке, если обстановка позволит, если командиры-стервятники не стравят его, сверхзеленого, неустрашимого бойца, в первом же бою» [1, с. 24]. Юноша даже не понимает, что майор Проскуряков спасает ему жизнь, отсылая в тыл «за сухарями и снарядами». В служебном рвении, руководствуясь желанием как можно скорее принять участие в боевых действиях, младший лейтенант нарушает приказ, начиная обстреливать отступающих немцев из трофейной пушки. Он не принимает в расчет грубоватый совет бывалого воина – «угомонись ты, навоюешься ещё» – и в итоге, так и не поразив цель, провоцирует фашистов на ответный огонь. Подобно Толстому, Астафьев с предельно натуралистическими подробностями рисует картину боя. Одним залпом «перебило колонну пополам, словно ящерицу посередине, осела назад и чадно задымилась грузовая машина, закричали раненые, машины в колонне дернули которые вперед, которые назад от горящего “зиса”. Бойцы из-за борта его вытащили двоих убитых, да на обочинах поля зачихло еще несколько человек, на них от горячей стерни загорелись волосы и гимнастерки от плеснувшего из бака подбитой машины горячего» (Там же, с. 27).

Только вмешательство майора, объявившего об аресте младшего лейтенанта, спасло юношу от «осатаневшей толпы», чуть было не устроившей самосуд над незадачливым артиллеристом и двумя бойцами, выполнявшими его приказ. Но если старый солдат, раскаившись в содеянном, обратился к окружающим с поистине толстовской фразой из «По-

сле бала» – «Бра-а-а-атцы, помилосердствуйте!», то Растягаев вину свою даже не осознал. «Я не хочу. Я не буду! – уже по-мальчишески вызывающе звонко закричал младший лейтенант. – И никуда не пойду. Я драться, я воевать до последнего вдоха буду! – ...Он едва не упал, уронил пилотку, подняв ее, отряхивая о колено, еще звонче закричал: – Воюете четвертый год и еще десять лет провоюете...» (Там же, с. 29). Оценка поведения лейтенанта звучит из уст майора со всей откровенностью: «Го-овнюк!». И то, чего не понял этот зеленый юноша, чуть позже объяснит ему денщик майора Пищенко, истинный выразитель «мнения народного»: «Идите, быстро идите в кабину, а то, неровен час, допекете людей, сократят они вам срок войны! ...Шлепнут и закопают вместе с теми вон, кого по вашей милости убило, и напишут на фанерке: “Пал смертью храбрых в борьбе с гитлеровскими захватчиками”, и маме не объяснят, как пал. Пал и пал...» (Там же). Отправляя в тыл младшего лейтенанта за снарядами и сухарями, Пищенко передает ему напутствие майора Проскурякова: «Чтобы вы в дороге обдумали свое поведение». Будет ли Растягаев «обмозговывать» то, что с ним произошло, поймет ли, что война – это не только победные реляции, будет ли у него свой Аустерлиц и свое Бородино – эти вопросы В.П. Астафьев оставляет без ответа. Открытый финал рассказа позволяет на это надеяться. И Толстой, и Астафьев предпочитают внешней суете «военных трутней» «простоту, добро и правду», символы подлинного героизма. Именно поэтому современные читатели и воспринимают их книги как своеобразное нравственное завещание писателей потомкам.

Таким образом, умение, по знаменитой формуле Л.Н. Толстого, «сопрягать» явления и факты, видеть историко-литературный процесс в его внутренней динамике и многоголосом единстве позволит нам обозначить одну из граней различия между «информированным» и подлинно культурным читателем, способным к синтезу духовного опыта предшествующих поколений [4, с. 6].

Литература

1. Астафьев В.П. Трофейная пушка // Знамя. 2001. № 2. С. 21–29.
2. Буланов А.М. Художественная феноменология изображения «сердечной жизни» в русской классике (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой) : моногр. Волгоград : Перемена, 2003.
3. Землянко Е.В. О взаимосвязанном изучении классической и современной прозы: к постановке

проблемы // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании : сб. науч. ст. М. : МГПИ, 2008. Вып. 7. Т. 2. С. 26–29.

4. Зинин С.А. Внутрипредметные связи в изучении школьного историко-литературного курса. 2-е изд., испр. М. : Рус. слово, 2006.

5. Тимина С.И., Васильев В.Е., Воронина О.Ю. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.). М. : Академия, 2005.

6. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. / под ред. М.Б. Храпченко. М. : Худож. лит., 1979.

Implementation of intrasubject connections in the process of literature study at school: modern prose and the traditions of the Russian classics

The issue of intrasubject connections in the process of school literature education is regarded by the example of comparative analysis of the story by V.P.Astafyev "Captured Gun" and war prose by L.N.Tolstoy.

Key words: *intrasubject connections, literature education, comparative analysis, prose about the war.*

